

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'366

О. В. Лукин

К философским обоснованиям теории частей речи

В статье рассматриваются философские обоснования появления теории частей речи. Философия и логика Платона и Аристотеля, учение стоиков и филология александрийцев – основы, на которых создана эта теория. Однако этот философский смысл был утрачен в течение последующих столетий, что привело к современным противоречиям теории частей речи.

Ключевые слова: теория частей речи, философия, логика, Платон, Аристотель, стоики, александрийцы, грамматика, латынь.

O. V. Lukin

Philosophical rationale for the Parts of Speech theory

The article considers philosophical rationale for the Parts of Speech theory formation. Philosophy and Logic of Plato and Aristotle, Stoic's doctrine and Alexandrian philosophy form the corner stone of this theory. However, over the centuries, this philosophical essence have been lost, resulting in modern Parts of Speech theory contradictions.

Keywords: parts of speech theory, philosophy, logic, Plato, Aristotle, stoic, Alexandrians, grammar, Latin.

Теория частей речи в немалой степени обязана своим появлением самообоснованию диалектического мышления в древнегреческой философии – сначала, прежде всего, у Платона и Аристотеля [17, с. 187]. Однако следует понимать, что античная философия никогда не ставила перед собой тех задач, какие решали и решают современная теоретическая грамматика и другие отрасли науки о языке. Платон концентрировал свое внимание на структуре предложений как движущих сил логических аргументов, Аристотель ставил перед собою задачу классификации и определения основных терминов описательных наук вообще, для стоиков центральной частью их философских исследований было изучение языка, включающего грамматику, этимологию и риторичеку; александрийские филологи (литературные критики) рассматривали грамматику прежде всего как инструмент, необходимый для оценки литературного произведения и установления точных текстов ранних авторов [19, р. 6].

То, что мы сейчас называем частями речи, Платон рассматривал как части логического суждения. Греческое *λόγος* обозначало одновременно и речь, и предложение, и логическое суждение [9,

с. 15]. Распространенный перевод древнегреческих терминов *ὄνομα* и *ῥῆμα*, которые Платон ввел в научный обиход, как «имя» и «глагол» является, к сожалению, слишком некорректным: *ὄνομα* обозначает реальный субстрат, вещь, деятеля, предмет речи, нечто сущее, *ῥῆμα*, напротив, абстрактное понятие, практику или действие, подчиненную деятельность и участие в некоей идее [17, с. 193].

Платон отождествлял «части речи» не только и не столько с логическими категориями человеческого сознания как субъект и предикат, но с явлениями внеязыковой действительности – с действиями и их носителями. С точки зрения логики деление предложения (высказывания, суждения) на *ὄνομα* и *ῥῆμα* имеет следующие основания: «Термины, входящие в состав высказывания, традиционно подразделяют на субъект ... и предикат... Однако в употреблении этих двух последних обозначений существует некоторая двусмысленность. Действительно, обычным является определение субъекта как того, о чем говорится в высказывании, а предиката – как того, что утверждается о субъекте. В таком случае эти два термина являются знаками не лингвистических

объектов как составных частей предложения, а чего-то находящегося вне данных предложений, то есть существующего в той области объективной реальности, которая этими предложениями описывается. Например, в высказывании *”Сократ – греческий философ”* субъектом, в соответствии с указанным определением этого термина, будет не термин *”Сократ”*, а тот конкретный человек, который жил в Древней Греции и с которым были связаны известные нам исторические события. Точно так же предикатом является не сам термин *”древнегреческий философ”*, а свойство *”быть древнегреческим философом”*, которое объективно существовало и, в частности, было присуще Сократу» [6, с. 16–17].

Значение ученика Платона Аристотеля Стагирита (384–322 гг. до н. э.) в формировании частеречной теории разными исследователями оценивается по-разному. Одни считают его заслугой как ученого незначительное развитие взглядов учителя (ср. [9, с. 15]), другие называют Аристотеля даже основателем традиционной грамматики, особенно учения о частях речи и синтаксиса (ср. [14, с. 14], [4, с. 35]), отмечая, что «...собственно лингвистическое описание системы языка в греко-латинском мире начинается после работ Аристотеля» [1, с. 80]. Истина, очевидно, лежит за пределами этих двух точек зрения: Аристотель – величайший ученый, не основавший, но предвосхитивший появление языкознания (ср. [12, с. 119]), хотя к проблематике, которую сейчас принято называть частеречной, он не мог не подходить с иной точки зрения, нежели философская: он не ставил и не решал проблему частей речи, как это принято писать в учебниках и теоретических штудиях, он занимался совсем иными проблемами.

Главное, что Аристотель был основателем и крупнейшим представителем классической (аристотелевской) логики, которая может быть названа учением о понятии, суждении и умозаключении, и три основные аксиоматические принципа которой не могли не оказать влияния не столько на понимание Аристотелем идеи частей речи, сколько на развитие учения о частях речи в последующие столетия. При изучении средств выражения форм мысли в языковых структурах Аристотель выделил три «части речи»: имя (обозначает предмет мысли), глагол (выражает то, что сказывается о предмете) и союз, сообщающий единство сложному высказыванию. Здесь следует вновь заметить, что между тремя перечисленными терминами и именем, глаголом и частицей в

современных грамматиках лежит огромная дистанция.

Как известно, логика занимала у Аристотеля особое место в парадигме наук, «...логика Аристотеля есть наука не о сущем, но о мышлении сущего и, в противоположность формалистическим течениям в логике, – наука о средствах установления истины, то есть соответствия мысли действительности, а не только о средствах согласия рассудка с самим собой» [2, с. 27]. Здесь нельзя не отметить и влияния структуры его родного греческого языка на созданные Аристотелем категории и принципы логики, на что уже неоднократно указывали исследователи.

Аристотелевская логика, грамматика и онтология были всегда неразрывно связаны между собой, так что структуры мира, языка и знания рассматривались как некое единство. Аристотель был первым ученым в истории философии, который глубоко и методически обоснованно задумался о структуре бытия и знания как такового, причем эта его заслуга, разумеется, намного значительней заслуги выделения частей речи. Таблица, включающая десять аристотелевских категорий, «...оказала определяющее влияние на развитие учения о категориях вплоть до нового времени, когда были предприняты попытки изменить ее состав в связи с достижениями философии и конкретных наук» [8, с. 251]. Категории сущности (субстанции), качества, количества, отношения, места, времени, положения, обладания, действия, страдания (претерпевания) образуют своеобразную бинарную оппозицию, где категория сущности (субстанции) противопоставлена всем остальным (акциденциям).

Субстанции – в аристотелевской терминологии – это отдельные вещи, существующие независимо, будь то Эйфелева башня, соседская собака или этот карандаш. В то же время высота Эйфелевой башни, черный окрас собаки и шестигранное сечение карандаша являются свойствами, которые не существуют независимо от башни, собаки и карандаша, то есть акциденциями. Субстанции обладают свойствами, и свойства существуют как свойства субстанций.

Аристотель пытался свести не только мир, но и язык, и знание к их «элементарным» основным формам. Десять категорий или десять когнитивных образцов были созданы и для того, чтобы классифицировать множество наших понятийных образований (ср. [15, с. 212]). Эти десять категорий в течение более двух тысячелетий – вплоть до Э. Канта – были однозначно признаны,

передавались из поколения в поколение и пользовались уважением. Из этих десяти категорий вначале была создана бинарная оппозиция. Категория субстанции противопоставляется другим девяти категориям – акциденциям. Эта оппозиция как оппозиция ὄνομα/ ῥῆμα, с одной стороны, и аристотелевская двухвалентная логика, с другой стороны, взаимно объясняют и определяют друг друга.

Слияние и взаимное определение логических, онтологических и языковых категорий было в творчестве Аристотеля научным фактом, последствия которого до сих пор значимы и в философии, и в науке о языке. В отношении теории частей речи это может быть интерпретировано следующим образом: теория частей речи сложилась на основе языка с ярко выраженными флективными характеристиками – древнегреческого – на фоне определенных философских предпосылок, которые определяли друг друга. Факт того, выделял ли Аристотель две, три или десять частей речи, сам по себе не так уж важен в сравнении с той ролью, которую сыграл ученый: он способствовал появлению на свет теории, получившей впоследствии название теории частей речи.

В соответствии с принятой греческой традицией Аристотель трактовал грамматику как «учение о звуках речи». В области, лежащей между «учением о звуках речи» и логикой, он описывает язык как форму изображения мышления. Три части речи – λόγος, ὄνομα, ῥῆμα – он описывает, исходя из структуры логического суждения, высказывания на его родном древнегреческом языке (ср. [17, s. 198; 10, s. 95–98]).

Любопытно отметить, что начиная с середины XIX столетия Аристотеля упрекают в том, что он вывел свои категории из грамматической структуры греческого языка. Первым, кто указал на то, что аристотелевские категории есть отражение грамматической структуры греческого языка, его частей речи и членов предложения, был А. Тренделенбург [22]. Впоследствии Аристотеля критиковали за смешение онтологического, логического и грамматического. Х. Штейнталь упрекает Аристотеля и в том, что он нечетко сформулировал отношения между языком и логикой и что у него нередко совпадали понятия бытия, говорения и мышления (ср. [21, s. 204]). А. Г. Сейс писал о том, что аристотелевское учение о категориях и его логика слишком непосредственно отражают деление предложения на субъект и предикат, которое, бесспорно, имеет место в индоевропейских, но не обязательно во всех языках [20,

v. 2, p. 329]. И, пожалуй, резче и парадоксальней всего выразил эти мысли Ф. Маутнер: «Вся логика Аристотеля есть не что иное, как рассмотрение греческой грамматики с одной интересной точки зрения. Если бы Аристотель говорил по-китайски или на языке индейцев дакота, он бы неизбежно пришел к другой логике или хотя бы к другому учению о категориях» [16, Bd. 3, s. 4] (перевод наш. – О. Л.).

Дальнейшее развитие проблематики, связанной с теорией частей речи, разворачивалось на фоне философской дискуссии аномалистов и аналогистов. О философях-стоиках, представлявших первую точку зрения, обычно говорят как о философской школе, поставившей рассмотрение языка в центр своей логической теории. Их логика подразделялась на диалектику и риторику. Диалектика понималась как «наука о правильном рассуждении», риторика – как «наука об умении говорить красиво». В основе разработки диалектики лежало представление о знаковом характере слова-логоса, о необходимости различать «обозначающее» и «обозначаемое». Учение о частях речи стоики относили к области «обозначающего», а учение о грамматических категориях рассматривалось как учение об «обозначаемом» (ср. [5, с. 495]). Стоики отрицали язык как прямое отражение окружающей «природы». Большинство из них были «аномалистами», отрицавшими прямую связь вещей и слов. Традиционно ранним стоикам приписывают выделение уже не трех, а пяти частей речи (имя собственное, имя нарицательное, глагол, союз, артикль (член), следующие добавили шестую – наречие. Однако не собственно в этом – номенклатуре частей речи и критериях их классификации – состоит решающее значение стоиков в теории частей речи: «выдвинув понятие аномалии в качестве принципа строения языка, стоики способствовали разработке проблем системных и несистемных факторов в строении языка, выступавших в истории языкознания в виде “спора аналогии и аномалии”...» [5, с. 495]. Столкновение философии стоиков и филологии александрийцев оценивается как толчок, приведший к появлению, развитию и расцвету научной грамматики (ср. [11, s. 17]).

Историческое значение Александрийской школы состоит в том, что она «...разработала учение о языке на всех ярусах его строения, начиная с “элементов, или букв”» [3, с. 27], в том числе и грамматику, которая до сих пор называется «традиционной», ср.: «...александрийская

грамматика создала практически исчерпывающую систему синхронической описательной грамматики» [1, с. 89]. Следует заметить, что грамматика для александрийцев была не грамматикой с современным пониманием, а своего рода вспомогательной дисциплиной в области литературной критики, включавшей в себя шесть основных разделов: 1. громкое чтение, 2. объяснение тропов, 3. объяснение устаревших и редких слов и содержания, 4. этимологию, 5. установление аналогий и 6. литературную критику (ср. [12, с. 124]). Грамматика ученика Аристарха Самофракийского Дионисия Фракийца (170–90 гг. до н. э.) – первое наиболее объемное и систематическое описание греческого языка из дошедших до нас. У Дионисия мы уже находим «священные» восемь частей речи, которые он классифицировал преимущественно по морфологическим и семантическим критериям: имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие и союз (см. [17, с. 239]).

Не без основания принято считать, что определение и описание частей речи у Дионисия грамматически и семантически похожи на современные, более того, формулировки отдельных определенных точнее, чем во многих описательных грамматиках. С созданием александрийской грамматики история развития теории частей речи, казалось, достигла того апогея, тех вершин, которые никогда впоследствии (в течение более двадцати столетий!!!) не повторялись: вся последующая история теории частей речи так или иначе была связана с восьмью частями речи древнегреческого языка, предложенными Дионисием Фракийцем; один язык с ярко выраженными признаками флективного типа оказался своего рода матрицей для описания многочисленных языков – языков иных типов и иных семей (ср. [18, с. 42]).

Впоследствии римские грамматисты не случайно весьма ревностно продолжали греческую грамматическую традицию: римские аристократы были воодушевлены греческим культурным наследием, их дети воспитывались так, что могли прекрасно владеть устным и письменным греческим языком, все греческое было в моде, древнегреческий язык был для римлян *образцовым* языком, грамматика Дионисия Фракийца была *образцовой* грамматикой. Культура Римской империи была билингвальной: греческий и латинский языки были связаны единым идеологическим стандартом мифологических верований и практически общей политической историей. Для усвоения этой духовной культуры необходимо

знание двух языков. Разница между ними состояла только в характере их использования: латинский в большей мере, чем греческий, был языком администрации и военного дела, а греческий был более связан с искусствами (см. [1, с. 80]).

Выросшие в такой среде дети римских аристократов неизбежно оказывались под влиянием *престижных* греческих языковых образцов. Им ничего не оставалось, как переносить структуры древнегреческого языка на латынь. Следует заметить, что древнегреческий и латынь являются языками, исключительно близкими в типологическом отношении, что, безусловно, облегчало перенесение греческих образцов на латинскую грамматику. При рассмотрении частей речи римские ученые только тогда говорили о различиях с греческими, когда эти различия были слишком заметны: например, вместо артикля в латинской системе частей речи появляется междометие. Однако черты сходства в типологической характеристике обоих флективных языков способствовали появлению мнения, будто установленные греками грамматические категории – и прежде всего части речи – являются необходимыми и универсальными языковыми категориями.

Грамматики Э. Доната (ок. 400 г. н. э.) и Прициана (ок. 500 г. н. э.) стали классическими латинскими грамматиками. В своем описании латинского языка Прициан использует два критерия: семантический и формальный, хотя и без ясного понимания того, каковы должны быть процедуры анализа языка, основывающиеся на этих критериях. Однако результаты применения Прицианом формального подхода поражают своей ясностью. Он тоже выделяет восемь частей речи: имя, глагол, причастие, местоимение, предлог, наречие, междометие и союз.

Сочинения Э. Доната, Диомеда и Прициана, описывающие язык Цицерона и Вергилия, были наиболее значимыми учебниками латыни в средневековой Европе вплоть до нового времени. О значении этих произведений, так или иначе переписанных с «Грамматики» Дионисия Фракийца, в культурной жизни Европы, свидетельствует хотя бы тот факт, что грамматика латинского языка Элия Доната была первой книгой, напечатанной И. Гутенбергом; она же была первой французской печатной книгой. И на протяжении тысячелетнего периода истории человечества эти грамматики были основными учебниками латыни – престижного языка делового общения, науки, образования, культуры и религии всех стран Западной Европы!

Вопрос о пригодности античной схемы частей речи для современного языкознания, в той или иной форме задававшийся во всех фундаментальных исследованиях, по нашему мнению, обречен на утвердительный ответ: «Античная грамматическая традиция описания языка по частям речи и грамматическим категориям ("акциденциям") легла в основу не только европейского языкознания, но и ряда традиций средневекового Востока» [4, с. 35]. Более того, можно утверждать, что «...образцом грамматики любого иностранного языка служили греческие и латинские грамматики или грамматики родного для автора языка» [7, с. 4].

Греческие философы так или иначе привели человечество к феномену, который называется частями речи, это – очевидная истина. Наблюдательные греки предложили для последующих поколений метод подхода к описанию своего родного языка, однако их последователи переняли не метод, а только схему – восемь частей речи Дионисия Фракийца (ср. [13, с. 29–30]). В этом, очевидно, и кроется причина большинства неразрешенных вопросов теории частей речи, в этом – ответ на вопрос, почему «проблему частей речи» до сих пор принято считать неразрешимой.

Библиографический список

1. Амирова, Т. А. История языкознания [Текст] / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. – М.: Академия, 2003. – 672 с.
2. Ахманов, А. С. Логическое учение Аристотеля [Текст] / А. С. Ахманов // Ученые записки МОПИ, Труды кафедры философии, Т. XXIV, Вып. 2. – М.: МОПИ, 1953. – 190 с.
3. Бокадорова, Н. Ю. Александрийская школа [Текст] / Н. Ю. Бокадорова // Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 27.
4. Бокадорова, Н. Ю. Античная языковедческая традиция [Текст] / Н. Ю. Бокадорова // Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 35.
5. Бокадорова, Н. Ю. Стоики [Текст] / Н. Ю. Бокадорова // Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 495–496.
6. Бочаров, В. А. Аристотель и традиционная логика (Анализ силлогистических теорий) [Текст] / В. А. Бочаров. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 136 с.
7. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков в связи с общими особенностями человеческого языка [Текст] / В. М. Солнцев. – М.: Восточная литература (РАН: ОЛЯ, ИЯ), 1995. – 353 с.
8. Спиркин, А. Г. Категории [Текст] / А. Г. Спиркин, М. Г. Ярошевский // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 251.
9. Arens, H. Sprachwissenschaft: der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart [Text] / H. Arens. – Freiburg in Breisgau: Alber (Orbis academicus), 1969. – 816 S.
10. Aristoteles Kategorien. Lehre vom Satz (Peri hermenias) [Text] / Aristoteles. – Hamburg: Meiner (Philosophische Bibliothek; 8/9), 1968. – 131 S.
11. Borsche, T. Quid est? Quot accidunt? Notizen zur Bedeutung und Entstehung des Begriffs der grammatischen Akzidenzien bei Donatus [Text] / T. Borsche // Schlieben-Lange B., Ivo H. (Hrsg.) Wortarten. (Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik (LiLi), H. 76, 19/1988). – S. 13–28.
12. Cherubim, D. Grammatische Kategorien: das Verhältnis von "traditioneller" und "moderner" Sprachwissenschaft [Text] / D. Cherubim. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag (Reihe Germanistische Linguistik, Bd. 1), 1976. – 196 S.
13. Glinz, H. Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefaßt und dichterisch gedeutet [Text] / H. Glinz. – Düsseldorf: Schwann, 1957. – 208 S.
14. Ivić, M. Wege der Sprachwissenschaft [Text] / M. Ivić. – München: Hueber, 1971. – 282 S.
15. Köller, W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens [Text] / W. Köller. – Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. – 460 S.
16. Mauthner, F. Beiträge zur Kritik der Sprache. 3 Bde [Text] / F. Mauthner. – Stuttgart: Cotta, 1923. (Nachdruck: Hildesheim 1969).
17. Paul, L. Geschichte der Grammatik im Grundriß: Sprachdidaktik als angewandte Erkenntnistheorie und Wissenschaftskritik [Text] / L. Paul. – Weinheim, Basel: Beltz Verlag (Pragmalinguistik; Bd 14), 1978. – 591 S.
18. Rieser, H. Prinzipien und Anspruch einer grammatischen Beschreibung natürlicher Sprachen mit Hilfe formaler Sprachen [Text] / H. Rieser // Ballweg J., Glinz, H. (Hrsg.) Grammatik und Logik. – Düsseldorf: Schwann (Sprache der Gegenwart, Bd. 50), 1980. – S. 28–52.
19. Robins, R. H. The Development of the Word Class System of the European Grammatical Tradition [Text] / R. H. Robins // Foundations of Language. – Vol. 2, 1966. – pp. 3–19.
20. Sayce, A. H. Introduction to the science of language. 2 vols [Text] / A. H. Sayce. – London: C. K. Paul & co., 1880.
21. Steinthal, H. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern (mit besonderer Rücksicht auf die Logik). 2. Bde. [Text] / H. Steinthal. – Berlin, 1890 (Hildesheim: Olms, 1971).
22. Trendelenburg, A. Geschichte der Kategorienlehre: zwei Abhandlungen [Text] / A. Trendelenburg. – Berlin: Bethge, 1846. – XVI, 384 S.